

15. Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 1–2. СПб., 1995.
16. Сергеева Е.В. Особенности лексической экспликации концепта «Огонь» в поэзии В. Иванова // Язык и культурная коммуникация. Материалы первой научно-практической конференции. 19–20 апреля 2004 г. СПб., ГУП, 2004.

С.П. Петрунина

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОГОВОРКИ И ОСЛЫШКИ

Кузбасская государственная педагогическая академия

Статья продолжает рассмотрение темы информационного шума в устной спонтанной коммуникации (ср. [1]).

Впервые ослышки были проанализированы О.Б. Сиротининой в [2], там же были сформулированы причины их появления в речи. Это семантическое торможение (услышанное кажется невозможным, возникает сомнение в его правильности) и семантическое прогнозирование (нарушение ожидания вызывает у слушающего ослышку). См. примеры О.Б. Сиротининой: *А: Ирка у нас там снималась с настоящим негром. Б: А сейчас она беленькая. А: Нет, она-то беленькая, она с негром снималась. Б: А-а. А я думала... Она настоящим негром. А: Стала, ты думала?* (т.е. сильно загорела, побывав на юге); *А: Она поставила зачет, сказала, еще поставить номер читательского билета. Б: Что-что поставить? А: Ой, не читательского, а студенческого билета поставить. Б: Ой, в зачетке, что ли? А: Да, в зачетке.*

Семантическое торможение и прогнозирование, вызывающие ослышку, в свою очередь, зависят от ряда факторов: от контекста, темы беседы и ситуации общения, настроения, внутреннего состояния, подспудных мыслей слушающего. Например:

Ревкин позвонил в Красное. На вопрос Ревкина, где находится выехавшая в Красное команда, Голубев сказал:

– А их Чонкин арестовал со своей бабой.

Слышимость, конечно, была плохая. Да и трудно было себе представить, чтобы какой-то Чонкин с какой-то бабой могли арестовать сразу всех. Кого Надо. То есть не надо. Ревкину показалось, что Голубев сказал не «с бабой», а «с бандой».

– А какая у него банда? – поинтересовался он.

– Да как сказать... – замылся Голубев, вызывая в своем воображении образ Ньюры... – вообще-то порядочная.

Не успел еще Ревкин положить телефонную трубку, как поползли по району черные слухи. Говорили, что в округе орудует банда Чонкина. Она многочисленна и хорошо вооружена.

Или:

Находившийся в общей куче соломопроситель, пользуясь всеобщим возбуждением, решил выдвинуть свои экономические требования:

– Солому!

Ему ответили: – Заткнись ты, чокнутый!

Майору Фигурину (занятому мыслями о Чонкине – «князе Голицыне») показалось, что кричат: «Свободу Чонкину!» (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

Оговорки как способ проникновения в «черный ящик» внутренней речи исследованы Б.Ю. Норманом [3]; как средство создания коммуникативной неудачи отмечены в работах О.П. Ермаковой, Е.А. Земской [4], Б.Ю. Городецкого, И.М. Кобозевой, И.Г. Сабуровой [5]; структурная омонимия оговорок и пояснительной конструкции на диалектном материале изучена нами [6–8].

Причины появления оговорок в речи, очевидно, те же, что и причины возникновения ослышек, так как говорение включает слушание самого себя [9, с. 165], поэтому анализ оговорок в речи диалектоносителей, предлагаемый ниже, в определенной степени приложим и к анализу ослышек.

Семантическое торможение и прогнозирование обуславливают появление **смысловых оговорок**. Приведем их примеры в диалектной речи, которую мы наблюдали в течение десяти лет диалектологических экспедиций (1981–1986 гг., 1993–1996 гг., 1998–2000 гг.) в селах Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области, Таргай, Малиновка Осинниковского района, Чумыш Прокопьевского района Кемеровской области (среднеобские говоры):

а) *Самолёт, вертолёт то есть, прилетит и продукты привезёт из Томского; Свадьба была у дочери, так ножи, ай вилки, четыре вилки мехиоры (мельхиоровые – С.П.) спёрли; Сахару, ой соли помене положь; Такой он молчун, это, болтун, трепала, не остановишь.*

б) *Каструлю подняла, крышку эту то есть, и паром ну так обожглася; Из одуванов, ой из головок этих мёд варили; Трава, ай корни сплетутся, –*

это вот дёрн. У меня в огороде дёрн; Ну, ребята, айда все корчевать, э-э, собирать лес, фу ты, сучочки.

Семантическое торможение и прогнозирование, в свою очередь, обусловлены – в силу одинаковой лексической дистрибуции членов смысловой оговорки – интегрирующим контекстом (ср.: *Самолет прилетит* и *Вертолет прилетит*; *Каструлю подняла* и *Крышку подняла*), не способным дать информацию о семантическом различии заменяемых слов. Это делает говорящий. Смысловые оговорки, таким образом, отражают его стремление к точной и адекватной номинации действительности. Они являются парадигматическими ассоциатами по сходству значения (ср. у Н.В. Крушевского: «Вследствие закона ассоциаций по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, благодаря закону ассоциаций по смежности те же слова должны строиться в ряды» [10, с. 65]) и представлены словами одной тематической группы, между которыми существуют различные виды логико-смысловых отношений. Из них чаще других актуализируются видо-видовые отношения, порой осложняющиеся антонимическими (см. ранее рассмотренный пример *а*), и отношения целого и части (см. пример *б*).

Оговорки, наряду с междометиями, недоговариванием фраз, грамматическими неправильностями, повторами, относятся к проявлениям интеральной речи, по которой судят о внутренней речи: «Интеральной называют фрагменты внутренней речи, которые произвольно проговариваются вслух из-за трудности мыслительной задачи, либо из-за волнения, либо из-за яркости воображения своего будущего выступления и по другим причинам» [11, с. 54]. Регулярность и частота появления смысловых оговорок в диалектной речи позволяют предположить идеографический принцип устройства словаря внутренней речи диалектоносителя; подтверждает общий дедуктивный принцип организации устной коммуникации [12] и принцип тематического сужения при выборе слова в процессе номинативного освоения действительности [3, с. 38] (последнее наблюдается в случае *б*).

Идеографическое устройство внутреннего лексикона диалектоносителя осложняется разнообразными звуковыми межсловными ассоциациями, что проявляется в многочисленных **паронимических оговорках**:

а) Там у вас в Томском луну, ой, юлу не продадут?; Белянки, это грибы вот. Они мы их вымачиваем от горести, э-м, от горечи; Зрочки, значки эти то есть, они от Лёни остались. До армии собирал.

б) Сначала крючочки, ай кружочки вывяжу. Потом к ей (салфетке) метёлочки привязываю;

Глыба, ой рыба эта карась большущий вот такой. Он у мене в подполье жил; Я и обуток починая. Нитки скручу, шилом, фу, мылом натру, тыкаю (шилом) и шью; Туды вон поставь киску, тьфу, миску; Собирай, мать, девок. Я вас переброшу на тот берег на туюске, ой, обласке. Вон там ягоды; Лежу я в баньке нетопленной, гляжу на небушко. Уж сутки как маковой росиночки во рту не водилось!.. Господи, думаю, бог приберет. Ну хоть бы Коля (сын) глянул бы, принес бы небушко, тьфу ты, хлебушко.

Появление паронимических оговорок в диалектной речи может быть мотивировано только звуковым сходством слов (см. *а*, где контекст является дифференцирующим, позволяющим говорящему осознавать номинацию как неправильную; ср.: *Продавать юлу* при невозможном *Продавать луну*). Звуковое сходство может подкрепляться разнообразными семантическими отношениями с контекстом: причинно-следственными (*крючочки, потому что ими вяжут кружочки*), сравнительными (*рыба большая, как глыба*), временной последовательности действий (*мылом нитки натру, потом шилом тыкаю*), отношениями предназначенности (*миска для киски*), ёмкости и его содержимого (*ягоды в туюске*) и многими другими (см. *б*).

Кроме звукового подобия слов и контекста прогнозирующим фактором появления паронимической оговорки являются ситуация (см. ниже *в*) и прецедентные тексты (см. *г*) – пословицы и поговорки, прибаутки и присловья, составляющие немалую долю внутренней речи говорящего [13]. Приведем примеры:

в) Картошка, мбшка эта кусаца, зараза (читит картофель); Черная ложка, ай, ножка – это болесь ихная (рассады) (помешивает ложкой суп); Соль, фу ты, моль всю дошку пощёлкал (солит суп).

г) Глаза (у внучки) ужо с минусами, а всё читат эти фиги, тьфу, книги (ср. смотришь в книгу, видишь фигу); Круки, руки свои – в тот мешок, в энтот... (ср. руки как крюки); Стара совсем, пима, ай, ума не осталось (ср. ума с три пима).

Паронимические оговорки имеют непреднамеренный, случайный характер, обычно осознаваемы говорящим и исправляются им. Этим они отличаются как от словарных паронимов, так и от контекстных паронимов (парономазов), характерных для газетно-публицистических и художественных текстов. Ошибочное употребление словарных паронимов, как правило, не осознается и не исправляется говорящим: *Быстренько одевайте пальто и бегом на улицу; Не у всех есть росписи родителей в дневниках* (из разговорной речи). Парономазы же характеризуются стилистической заданностью, преднамеренностью своего появления в тексте,

поскольку являются носителями смысла, средством развертывания образа, способом выражения различных точек зрения на изображаемое:

Это была первая модель велосипеда, подаренная, вернее оставленная (проще – отставленная) нещедрым дедом доросшему до науки внуку (М.И. Цветаева. «Дом у старого Пимена»); Из всей Тарусы, верней, из всех «гостей», то есть сластей, чужих детей... я больше всего любила эту секунду спуска, входа, нисхожденья (М.И. Цветаева. «Хлыстовки»); Сидим, он (Волошин) на диване, я на валике (я – выше), гадаем, то есть глядим: он мне в ладонь, я ему в темя (М.И. Цветаева. «Живое о живом»).

Паронимические оговорки, имеющие массовый характер, следует отличать также от избирательности дислексии – разновидности речевой афазии, связанной с нарушением речи, при которой человек в устной речи искажает слова, заменяя их сходными по звучанию. Дислексия (от греч. *dis* – «расстройство» и *lexis* – «слово, выражение»), или словесная слепота, исследована английским ученым Б. Холлгреном и создателем нейропсихологии в России А.Р. Лурия. Она связана с недостаточной активностью левого полушария, которое управляет движениями правой руки, речью и, соответственно, словесно-логическим мышлением. Это наследственное заболевание, довольно часто встречающееся в одном роду, причем у мужчин в четыре раза чаще, чем у женщин; дислексией обычно страдают левши, у которых доминантным является правое полушарие, отвечающее за наглядно-образное мышление. Прослеживается зависимость дислексии и от языка, на котором человек учится читать. Так, среди населения стран Запада число дислексиков составляет 7 % населения, в Японии же их всего 1–2 %. Объясняется это тем, что японцы используют два вида письма: слоговое – кана и иероглифическое – кандзи. При поражении левого полушария мозга вследствие различных заболеваний больные теряют способность читать на кана и переходят на зрительно-образное кандзи. Дислексией страдали Г.Х. Андерсен, Агата Кристи, Томас Эдисон, Альберт Эйнштейн, Майкл Фарадей, многие политики: У. Черчилль, Л. Джонсон, Н.С. Хрущев, нынешний президент США Джордж Буш-младший также дислексик (подробную информацию см. на сайте <http://www.dyslexia.ru>). Так, «видавшие виды генералы Пентагона буквально потеряли дар речи, когда во время одного совещания Буш стал рассуждать о «тактичном» оружии («tactful» вместо «tactical» – «тактическое»), призывать министра обороны стирать... терьеров (имея в виду уничтожение барьеров – «terriers» вместо «barriers») и обзавестись хорошими... счетчиками (подразумевались миротворцы, он же произнес «reasemakers» вместо «reasemakers»))» [14, с. 265].

Возвращаясь к паронимическим оговоркам в диалекте, можно предположить, что их массовость и частота определенным образом связаны с конкретным, предметно-деятельностным, наглядно-образным, хранящим черты мифологического, мышлением диалектоносителя, обусловленным деятельностью правого полушария.

В целом наличие смысловых и паронимических оговорок в диалектной речи подтверждает вывод американских психологов Ч. Кофера и Д. Фоли о контаминированном характере словесных ассоциаций: смысловые и формальные связи этих ассоциаций представлены в их концепции (в отличие от семантической концепции А.Р. Лурия) как равноправные, находящиеся на одной плоскости (см. об этом в [3, с. 71–72]).

Форма существования оговорок в речи – рядная конструкция [15, с. 44–47]: *А, то есть Б*, омонимичная пояснительной, где *А* – оговорка, *Б* – ее правка, *то есть* – сигнал гезитации, являющийся знаком ошибочности одной номинации и сигналом поиска другой. Рядная конструкция оказалась идеальной структурой, отражающей закон ассоциации по сходству формы и значения, вмещающей в себя минимальное ассоциативное поле, состоящее из двух парадигматических ассоциатов, позиция которых, так же как позиция членов пояснительного ряда, является закрепленной. Пояснительный союз *то есть* в оговорках полностью утрачивает свое значение, поскольку *А* не есть *Б*. *То есть* как сигнал речевой правки равнозначен «правильно сказать» в случае паронимических оговорок и «сказать точно» в случае смысловых оговорок. Толкование *то есть* через вводно-модальные слова *вернее, точнее* не совсем удачно, так как в оговорках и они утрачивают свое значение: *А* не верно и не точно, поэтому и *Б* не может быть *вернее* и *точнее*. Ср. с замечанием А.М. Пешковского о вводных выражениях: «...чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (ср., например, «видите ли», когда нечего видеть; «одним словом», когда употребляется очень много слов; «слава богу», «ради бога», «бог знает», «черт возьми» в устах человека неверующего и т.д.)» [16, с. 410]. Вместе с тем толкование *то есть* через *точнее, вернее* примечательно: смысловые оговорки отражают стремление говорящего к точному обозначению действительности, а паронимические «призывают» номинацию быть правильной.

Функционально *то есть* в оговорках сродни вводно-модальному слову со значением «оценки способа выражения» [17, с. 604], хотя союзную функцию *то есть*, так же как его функционально-смысловые аналоги, сохраняет, связывая между собой два члена ассоциативного ряда. Функциональ-

но-смысловыми аналогами *то есть* в диалекте являются: междометия *ой, ай, тьфу, фу, фу ты, чёрт*; десемантизированные указательные местоимения *это, вот* в сочетании друг с другом – *это вот, вот это* и частицей *ну*, способной и к самостоятельному употреблению: *ну, ну это, ну вот, ну это вот, ну вот это*; частица *нет*; выражения как *его/её (там), это/эт самое*. Примеры см. выше. На «правочном шве» диалектных оговорок могут появляться междометные неканонические элементы: *э-э, э-м* и под. Наконец, сигналом оговорки может быть особая интонация хезитации (подробнее об этом см. в [18]).

Ослышки и оговорки находят свое отражение в языке художественной литературы, выполняя в ней различные функции. Будучи жанрообразующим признаком таких речевых жанров, как сплетня, слухи, анекдот, они могут выполнять эту же функцию и в художественном тексте, стилизирующем эти жанры, например в произведении В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», которое автор определяет как роман-анекдот.

Ослышки и оговорки могут быть средством выражения комического:

– Давай **делиться**, – повторила Нинка.

– А кто же у меня будет, Нинушка, **телиться**? – посетовала старуха...

– Ты мне, бабка... голову не дури, а давай **мыло**, – сказала Нинка.

– Нет, – отказалась бабка, – полы не **мыла**. Не успела.

– Бабка, – устало сощурилась Курзова, – давай делиться по-хорошему... **Поняла?**

– **Не подняла**, – вздохнула старуха...

– Ты не кричи, – обиделась бабка, – я, чать, не глухая. **Надо тебе, попроси – дам** (В. Войнович, там же).

С их помощью автор отражает особенности устной спонтанной коммуникации в тексте, обычно в речи героев художественного произведения, наделяя информационные помехи характерологической функцией:

...случилась какая-то неприятность с одной женщиной и уголовный розыск **подразумевает... ой это... подозревает** в случившемся его, то есть Овчинникова (М. Черненко. «Ставка на проигрыш»).

В следующий приход, протягивая ему (Волошину) его же в первый приход подаренную книгу:

– Впишите мне в нее те, ну самые чудные, мои любимые: «Вместе в один водоем **забрдем** ли мы осенью темной»...

Он негодующе:

– То есть как – **забрдем?** (убежденно). – **заглядём!** (спохватываясь) – **заглядим!** – **то есть**

поглядим, конечно, вы меня сбили! (М.И. Цветаева. «Живое о живом»).

В «Курьере» были **эльфы, то есть сильфы**, и они кружились на поляне (М.И. Цветаева. «Сказка матери»).

11 августа (**по-новому, то есть по-старому** конец июня), – явно полдень года, самое сердце лета (М.И. Цветаева, там же).

Оговорки и ослышки могут быть средством выражения концептосферы художника слова. «Незавершенность и несовершенство речевых структур, изображающих неструктурированные подробности бытия, торопливое косноязычие, внутренняя речь или речь «для своих», содержащая множество намеков, оказываются особенно родственными поэзии» [19, с. 342], в частности лингвоцентрической поэзии И.А. Бродского, для которого язык во всех его проявлениях – центр его поэтической вселенной, «последнее прибежище и спасение поэта» [там же, с. 351]:

Он, будучи на многое горазд,
не сотворит – по Пармениду – дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
коснуться – «**бюст**» **зачёркиваю – уст!**
(«Двадцать сонетов к Марии Стюарт»)

Плачу. Вернее, пишу, что слезы
Льются, что губы дрожат, что розы
Вянут, что запах лекарств и дерна
резок.
(«Памяти Т.Б.»)

Чрезмерная эстетизация «несовершенства речевых структур» некоторыми современными поэтами оборачивается его фетишизацией. Имеем в виду авторов сетевого сайта (<http://www.vavilon.ru>) и печатного Вестника молодой литературы «Вавилон», например стихи Полины Андрукович, яркой чертой поэтики которой является *нет* в оговорках:

мама жарит птичку
присутствуют трое, я
бездействую
в ожидании четвёртого и птички
абстрактная теперь птичка,
сломанная голова.
интерпт нет интерпретация птички богом
и тут отключается электричество
во всём доме
на полчаса

Ошибки, опечатки, описки объявляются «вавилонянами» священным словом поэта. «Новым эстетическим сознанием», «новым отношением к текс-

ту», «доказанной и гармоничной формальной основой построения инновационного текста» считаются ошибки в выборе перекодирования при чтении электронной почты (например, превращение слова «стихи» в «ЯРХУХ»), искажения, вносимые сканером при считывании нечетко пропечатанного текста,

и подобное (об этом пишет Н. Работнов в [20, с. 202–203]).

В целом проблема использования информационных помех устной спонтанной коммуникации в художественной литературе является актуальной и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Петрунина С.П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (филология). 2005. № 3.
2. Сиротинина О.Б. Ослышки в разговорной речи // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. Л., 1981.
3. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
4. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
5. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
6. Петрунина С.П. Пояснение в монологических текстах диалектной речи (к проблеме избыточности): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986.
7. Петрунина С.П. Паронимические оговорки в диалекте // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993.
8. Петрунина С.П. Оговорки в диалектной речи // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск, 1996.
9. Хоккет Ч. Грамматика для слушающего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 4. М., 1965.
10. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
11. Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987.
12. Маркосян А.С. Психолингвистические особенности синтаксиса разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
13. Харченко В.К. Риторика внутри нас (проблемы аутокоммуникации) // Рус. яз. в школе. 2002. № 1.
14. Ковалева И. Словесная слепота поражает левшей // Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия. / Глав. ред. В.А. Володин. Т. 18. Ч. 2. М., 2002.
15. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
17. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
18. Петрунина С.П. Формальные показатели пояснительного отношения в диалекте (на материале говоров Среднего Приобья) // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1990.
19. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
20. Работнов Н. «Babylon» от слова «бэби» // Знамя. 2004. № 9.